

Брыч

39(73)+9(73)

КРИЗИС АМЕРИКАНСКОЙ СЕМЬИ (70–90-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

*Иван Варивончик, доцент кафедры новой и новейшей истории
БГПУ им. Максима Танка*

Статья посвящена проблемам семьи и положению женщин в США. Автор приходит к выводу о кризисе традиционной семьи, причинами которого были изменения экономических условий ее существования, смена ценностных ориентации американцев и новая роль женщины в социально-экономической и политической жизни. Может быть использована как учебно-методический материал по всемирной истории для IX–XI классов при изучении тем по истории США и общей характеристике развития стран Запада после Второй мировой войны.

Временем драматических изменений в американских семьях стали 70–90-е годы XX в. Доля взрослых американцев, не вступавших в брак, увеличилась с 15 % (1972 г.) до 23 % (1998 г.). В начале 1970-х гг. в браке состояли 75 % американцев, в конце 1990-х — 56 %. Согласно статистическим данным, это было связано, во-первых, с более поздним вступлением в брак: с 1966 по 1997 г. средний возраст вступления в брак для мужчин вырос с 22,8 до 28,8 лет, для женщин — с 20,3 до 25,0 [1, с. 2]. Во-вторых, более чем в два раза выросло число разводов: с 9,2 на 1000 замужних женщин в год в 1960 г. до 22,6 в 1980 г. В 1990-х гг. их уровень уменьшился до 19,8 в год (1995 г.), хотя и остался в два раза выше, чем в 1960 г. С 1972 г. процент однажды разведенных взрослых американцев вырос с 17 % в 1972 г. до 34 % в 1998 г. [2, с. 367–399]. В-третьих, вступление в новый брак происходило через больший промежуток времени и чаще не осуществлялось вообще. В-четвертых, с 1,1 % до 7,0 % выросла доля пар, живших вместе без официального оформления брака [3, с. 78, 115]. Семь процентов

женщин 1933–1942 гг. рождения имели подобные отношения до вступления в брак, а 1963–1974 гг. рождения — в конце 1990-х гг. уже составляли 64 %, 50 % разведенных и затем вступивших в брак американцев до этого сожительствовали со своими новыми супругами [4, с. 48, 64].

Тиражируемый телевидением и консервативными сторонниками «семейных ценностей» образ типичной американской семьи обычно включал в себя отца, мать, двоих детей, живущих в уютном доме в благоустроенном и безопасном пригороде. Глава семейства, отец, уходил на работу, в то время как мать отвозила детей в школу и занималась домашними делами. К вечеру семья встречалась за ужином. Затем дети выполняли домашнее задание, играли или смотрели телевизор вместе с родителями. Если такая идиллия и существовала когда-либо, то к 1990-м гг. она не была характерна не только для большинства американских семей, но и для семей среднего класса. Отец с матерью могли быть разведены, а дети — жить в новой семье, с неродными родителями, братьями и сестрами или с матерью-одиночкой. Соб-

ственный дом мог быть продан из-за высоких ипотечных платежей и заменен арендованным жильем. Вместо безопасного пригорода многие семьи были вынуждены жить в районах, где преступность становилась повседневной реальностью. Оба родителя, как правило, работали. Расходы на дом, автомобили, оплату кредитов не оставляли свободных средств, усложняли оплату значительно подорожавшего высшего образования детей. Отсутствие последнего означало растущую конкуренцию при найме на хорошо оплачиваемые рабочие места в промышленности, число которых год от года сокращалось, или низкооплачиваемую работу в торговле или сфере общественного питания. Но и наличие высшего образования не гарантировало пожизненного трудоустройства ввиду высокой конкуренции, политики сокращения числа работающих, вывоза многих типов производства и услуг за рубеж.

В отсутствии родителей дети могли пропускать занятия в школе, иметь доступ к наркотикам, проводить время у телевизора, компьютера, используя увиденный негатив на экране в качестве руководства к действию. Результатом этого становились детская преступность, ранняя беременность, распространение СПИДа. Заботиться о младших детях и пожилых родителях могли платные воспитатели и медперсонал, но стоимость их услуг постоянно возрастала, а результаты могли быть неудовлетворительными из-за психологических и социальных издержек и рисков.

Наибольшие трудности семьи были связаны с факторами, которые вели к нестабильности ее экономического положения: зачастую ребенка воспитывает один из родителей и он не способен содержать на должном уровне семью, увеличиваются расходы на содержание и учебу детей при сохранении прежнего уровня доходов, повышаются цены на жилье и медицинское обслуживание, увеличиваются задолженности по потребительскому кредиту [5, с. 28–37].

С 1970 по 1990 г. процент семей, в которых работали и муж, и жена, увеличился с 39 до 63 %. В соответствии с исследованием, проведенным группой нью-йоркских социологов, 84 % работавших женщин делали это из финансовых соображений,

34 % — предпочли бы частичную занятость, неполный рабочий день, 31 % — при благоприятных обстоятельствах не работали бы вообще [18, с. 18–21].

Наиболее значимым и показательным для положения среднего класса изменением в структуре семьи стало сокращение доли семей с детьми и одним работающим родителем с 51 % в 1972 г. до 21 % в 1998 г. и увеличение семей с детьми и двумя работающими родителями с 26 до 45 %. Доля бездетных семей с двумя работающими увеличилась с 8 до 14,5 %. Одновременно доля семей с одним работающим родителем выросла с 9 до 22 % [1, с. 12].

Кризис американской семьи, который широко обсуждался учеными, политиками, общественностью, был, по сути, кризисом идеального образа семьи, родившегося в недрах среднего класса, который и в более благоприятных условиях 1940–1960-х гг. лишь отдаленно касался большинства американских семей. Даже относительно успешные попытки реализации данного образа не приносили ожидаемого удовлетворения многим семьям, прежде всего женщинам, то есть тем, кто должен был посвятить себя семье и таким образом достичь ожидаемого счастья. На наш взгляд, именно это привело к новой волне феминистского движения с вполне определенной социальной базой в лице самостоятельных образованных белых женщин средних лет из среднего класса.

Семидесятые годы прошли под знаком новой культурной революции, раскола в обществе в отношении фундаментальных культурных ценностей. На протяжении предыдущих 200 лет американцы придерживались протестантской трудовой этики, стремились добиться успеха упорным трудом, были готовы в интересах семьи жертвовать собственными интересами. На смену старым идеалам, завышенным ожиданиям всеобщего благосостояния и непродолжительному политическому активизму молодого поколения в 1960-х гг. пришли максимальное внимание к себе, стремление самореализоваться, желание удовлетворить личные потребности. Как утверждал известный социолог Д. Янкелович, имела место «подлинная культурная революция», которая продвинула индустриальную цивилизацию к «новой фазе человеческого опыта» [6]. Годы «общества всеобщего бла-

годенствия» были временем роста образовательного и культурного уровней, высокой социальной мобильности. Улучшение материального положения, расширенные возможности выбора и доступ к информации об альтернативных образах мысли и жизни, с одной стороны, вели к усилению вариативности в поведении американцев, с другой — делали их более терпимыми к выбору друг друга. Как отмечал российский ученый Г. Г. Дилигенский, «речь шла о совокупности социально-психологических явлений, выражавших протест личности против нормативно-ценностной системы, регулировавшей жизнь людей в условиях развитых индустриальных обществ. Например, против труда, лишаящего работника любой инициативы и творчества, мотивируемого исключительно целями заработка и потребления. Против ценностей «общества потребления», подавлявших разнообразные духовные потребности людей. Против традиционного института семьи с присущими ему жестким распределением ролей мужа, жены, детей и достаточно лицемерной «официальной» системой норм сексуальной жизни» [7, с. 7–8]. Символом времени стало обретение женщинами нового социального статуса, которое было бы невозможно без усиления эгалитаристских настроений за пределами достаточно узкого феминистского круга на протяжении послевоенного периода.

Несмотря на то, что большинство женщин не участвовали в феминистском движении и считали многие из выдвигавшихся требований чрезмерными, в повседневной жизни они поддерживали право женщин на аборт; многие американки участвовали в организованных феминистками акциях и мероприятиях, стремились добиться от своих мужей более справедливого распределения домашних обязанностей, используя заимствованную от тех же феминисток аргументацию. Если в 1962 г. при исследовании института Гэллапа на вопрос, подвергаются ли женщины дискриминации, положительный ответ дали одна треть опрошенных американок, то в 1970 г. так считали уже половина, а в 1974 г. — две трети респондентов. В 1970 г. половина первокурсников полагали, что уделом замужней женщины должны быть семья и дом, в 1975 г. так считали только одна треть юношей и одна пятая девушек, поступивших в вузы [8, с. 434].

Результатом нового общественного опыта женщин и процесса переоценки традиционных стереотипов их роли в семье, на работе, в обществе в целом стали формирование качественно нового общественного климата, реальные изменения положения женщин.

С 1972 г. Национальный центр исследований общественного мнения при Чикагском университете проводил репрезентативные опросы 1500, а с 1994 г. — 3000 респондентов. Полученные результаты сводились к следующему. В 1972 г. 74 % американцев не возражали против голосования за женщину-кандидата на выборах президента. В 1998 г. таких было уже 94 %. Несогласие с мнением, что большинство мужчин лучше психологически подходят для занятия общественной и политической деятельностью, возросло с 50 % в начале 1970-х гг. до 77–79 % в середине 1990-х гг. Изменилось отношение американцев к женской занятости. В 1972 г. 67 %, а в середине 1990-х гг. 82–83 % опрошенных одобряли желание женщины работать, даже если мужчина зарабатывал достаточно для обеспечения семьи. В 1977 г. 43 % американцев были против того, чтобы женщина жертвовала своей карьерой ради карьеры мужа. К 1998 г. доля противников таких жертв выросла до 81 %. Изменилось отношение к вопросу о негативном влиянии занятости женщин на воспитание детей. В 1977 г. 49 % респондентов считали, что работающая женщина может иметь такие же близкие и теплые отношения с детьми, как и неработающая. В 1998 г. так считали 68 % опрошенных. В 1994 г. 85 % поддерживали предложение работы женщине до рождения детей, но только 38 % считали, что она может трудиться полный рабочий день в течение всего года тогда, когда ребенок стал школьником, и 12 % — когда ребенок был дошкольником. В любом случае общественное мнение было в пользу расширения женской занятости [1, с. 7–10]. Количество отработанного времени женщинами из семей с разным уровнем достатка выросло от 30 до 50 %. Наибольший прирост приходился на женщин из среднего класса. Так, женщины из семей, принадлежавших к средней, третьей по состоятельности, группе (20 %), работали в 2000 г. в среднем

на три месяца или на 535 часов больше, чем в 1979 г. [9, с. 316–324].

Изменилось сексуальное поведение американцев. Вплоть до конца 1960-х гг. сохранялась модель поведения, сложившаяся еще в 1920-х гг., когда женщины не имели сексуального опыта до брака или до обручения. В 1960-х гг. сексуальные отношения неженатых пар стали нормой. Социологические исследования среди первокурсниц вузов показали, что треть из них имели опыт сексуальных отношений после кратковременного знакомства и 40 % считали необходимым пожить некоторое время с будущим супругом до вступления в брак. Аналогичное исследование в восьми вузах страны в 1970-х гг. свидетельствовало, что 76 % студенток и 75 % студентов первого курса имели опыт сексуальных отношений уже в течение первого года обучения [8, с. 437]. Число противников внебрачных отношений с 1972 по 1996 г. сократилось с 36 до 24 %. Но эти изменения происходили в основном в 1970-х гг. Начиная с середины 1980-х гг. более 75 % американцев были против вступления в половую жизнь юношей и девушек, не достигших 16 лет, и этот показатель не менялся. Не изменились и требования об обязательном сексуальном просвещении молодежи в плане безопасного секса и предоставления тинейджерам контрацептивов без ведома их родителей. Примечательным стало растущее количество противников внебрачных связей при наличии семьи. С начала 1970-х гг. их доля увеличилась с 70–71 % до 79–81 % в конце 1980-х гг. и далее существенно не менялась [1, с. 7].

Развод из радикального способа разрешения серьезных семейных проблем — супружеская неверность или невозможность иметь детей — стал обыденным явлением, причиной которого могли быть незначительные, с точки зрения предыдущего поколения, обстоятельства. Одновременно развод мог стать как одним из факторов, ведущих к ухудшению материального положения, так и его первопричиной. Расходы на отдельное проживание бывших членов семьи были выше. В наиболее трудном положении оказывалась женщина, которая зарабатывала меньше бывшего мужа, а заботы о детях делали затруднительным продолжение успешной трудовой карьеры. В еще более сложном положении оказыва-

лась не работавшая до развода женщина. В вышедшей в 1985 г. книге американского исследователя Л. Вейтцмана «Революция в семейных отношениях: развод», основанной на данных 1970-х гг., было доказано, что после развода доходы женщины в среднем составляли треть от уровня доходов в замужестве, в то время как материальное положение разведенных мужчин существенно возрастало [10, с. 327]. Более поздние исследования положения женщин после развода неизменно фиксировали ухудшения материального положения возглавляемых ими семей [11, с. 353, 366; 12, с. 528].

Материальное положение находившихся в браке американцев всегда было стабильнее [13, с. 263–282]. Взаимная материальная поддержка членов семьи была своеобразным страховым полисом, мощным фактором стабилизации материального положения каждого из них. Рост числа разводов и уменьшение количества заключаемых браков ставили многих американцев в более сложное, чем ранее, положение. Борьба с ростом стоимости жизни, с болезнями, пытаться сохранить прежний образ жизни при уменьшении доходов, растить в таких условиях детей одному было значительно труднее. Расходы на жизнь двух отдельно живущих мужчину и женщину были на 56 % выше. Атомизация семьи вела к увеличению бедности и неравенства. В то же время рост доходов женщин провоцировал распад семьи, так как давал возможность существовать самостоятельно. С 1980 по 1997 г. процент американцев, живших в традиционных семьях, сократился с 75 до 65 %. Эта тенденция проявляла себя уже с начала 1960-х гг. [14, с. 379–405].

Изменения взглядов американцев, социально-экономических условий существования их семей и новое положение женщин имели результатом снижение рождаемости, увеличение числа внебрачных детей. До Второй мировой войны или сразу после нее большинство одиноких матерей были вдовами. В 1990-х гг. основной причиной роста их числа стали разводы и увеличение числа детей, рожденных вне брака. В 1960 г. таковым был один из каждых 20 детей, в 1987 г. — каждый четвертый. За 1980-е гг. число семей с одним родителем удвоилось. В числе прочих причиной тому были изме-

нения в положении женщин и их растущие карьерные амбиции [15, с. 9]. В 1992 г. 35 % детей жили не со своими биологическими отцами, т. е. их количество увеличилось в сравнении с 1970 г. Шансы белого ребенка, родившегося в 1992 г., дожить до 18 лет вместе со своим отцом были один к двум, у маленького афро-американца — один к двенадцати [16, с. 3–4].

Если в середине 1950-х гг. во время пика рождаемости на одну женщину приходилось 3,65 ребенка, то в 1975 г. — 1,75, что оказалось ниже репродуктивного уровня (2,11). К началу 1990-х гг. показатель рождаемости возрос до двух. Но к 1998 г. процент домохозяйств, в которых не было детей до 18 лет, увеличился с 45 до 62 %. В 1972 г. 56 % американцев считали идеальной семью с тремя и более детьми, в 1998 г. так думали 39 %. Доля тех, кто хотел иметь семью без детей или с одним ребенком, оставалась практически неизменной — 3–5 %, что лишним раз подчеркивало экономическую подоплеку нежелания иметь много детей. В 1960 г. вне брака рождалось 5,3 % детей, в 1996 г. — 32 %. Процент рожденных вне брака белых детей вырос с 2,3 % в 1960 г. до 25,7 % в 1996 г. Процент афро-американских детей вырос с 21,6 % до 70,4 % в 1994 г. Во второй половине 1990-х гг. роста этого показателя не наблюдалось [17, с. 949–962]. В 1965 г. 26 % чернокожих американцев рождались вне брака. В 1996 г. данная цифра равнялась 68 %, а во многих мегаполисах страны — 80 % [18, с. 18–21]. В 1998 г. более половины американцев вообще и 70 % американцев моложе 35 лет не считали рождение ребенка вне брака чем-то предосудительным [19, с. 25–32].

К 1998 г. доминировавший еще в 1970-х гг. и ранее тип домохозяйств с детьми по количеству уступил домохозяйствам без детей. В 1994 г. 30 % всех владельцев жилья и квартир-съемщиков составляли одинокие и неженатые пары и 29 % — женатые, но не имевшие детей. В 1972 г. менее 5 % детей в возрасте до 18 лет жили в семьях с одним родителем. К середине 1990-х гг. таких было 20 %. В 1972 г. 73 % детей изначально воспитывались в семьях с двумя родителями. В 1998 году этот показатель составлял лишь 52 % [1, с. 3].

Статистика конца 1990-х гг. свидетельствовала, что дети из неполных семей в два

раза чаще не заканчивали школу. Юноши испытывали большие трудности при устройстве на работу, а девушки рожали детей вне брака в два раза чаще, чем их сверстницы. Все эти отклонения в поведении молодых людей не могли быть объяснены исключительно плохим материальным положением. Министерство здравоохранения, исследовавшее в 1998 г. положение более чем 30 тысяч американских семей, пришло к выводу, что независимо от уровня дохода дети из неполных семей чаще других бросали школу или оказывались вовлеченными в преступную деятельность. Советник президента Б. Клинтона, профессор Мэрилендского университета В. Гэлстон отмечал, что для того, чтобы избежать бедности, нужно закончить школу, не иметь детей до вступления в брак, а возраст матери при рождении первого ребенка должен быть больше 20 лет. Согласно статистическим данным, в 1997 г. лишь 8 % детей из семей, соответствовавших этим требованиям, были бедными, в то время как 79 % семей, имевших хотя бы один из указанных признаков, жили ниже уровня бедности [19, с. 25–32]. В 1998 г. американский социолог Джеймс Уилсон сделал вывод, что в основе многих кризисных явлений в обществе лежал кризис семьи. «В одном случае, — писал Дж. Уилсон, — ребенок растет в семье с двумя родителями, получает достойное образование, женится, устраивается на хорошую работу, покупает дом, защищенный от преступников высокими заборами и охраной. В другом случае ребенка растит незамужняя девушка, живущая в районе, где много сексуально активных мужчин, но мало добропорядочных отцов, где юноши вступают в преступные группировки, так как у них нет другого способа обеспечить личную безопасность или самоутвердиться в этой жизни. В первом случае молодые люди думают о будущем и уверены в нем, во втором — живут одним днем и полагаются на судьбу. Принадлежность к первой группе не гарантирует от неприятностей, но наркомания, организованная преступность, сексуальные преступления в отношении детей, неграмотность и экономические проблемы — это удел второй группы, их естественная среда обитания» [19, с. 28–30].

Таким образом, за последние 30 лет XX века серьезно ослабла роль семьи в качестве центрального института, вокруг кото-

рого строилось домашнее хозяйство и где воспитывались дети. Американцы позже создавали семьи, чаще разводились и чаще жили вместе, не оформляя близких отношений. Происходило постоянное снижение рождаемости при росте доли детей, рожденных вне брака. Принципиальные изменения происходили в положении женщин по мере того, как они пополняли число постоянно работающих американцев, иным становилось распределение обязанностей между мужем и женой. По результатам социологического опроса в 1997 г., лишь 22 % американцев были согласны с тем, что работа мужа важнее работы жены, 91 % мужчин и 94 % женщин в 1998 г. были согласны с тезисом: «Все заботы о детях должны делиться между родителями поровну» [20].

Решительного поворота в виде кардинального изменения отношения мужчин к

участию в воспитании детей и пересмотра роли государства и бизнеса в создании условий для семьи, состоявших из работающих мужа и жены, не возникло. Тем не менее общественность пришла к выводу: желательны изменения, которые помогут вернуться к семье с одним работающим мужчиной и неработающей, заботящейся о детях женщиной.

Наиболее же вероятным сценарием будет увеличение семей с двумя работающими родителями, дальнейшее усиление позиций женщин как в семье, так и в обществе. Движение в сторону семьи с одним родителем представляется менее вероятным ввиду стабилизации уровня разводов, прекращения роста числа рождений детей вне брака и стабилизации форм внебрачных отношений [1, с. 19; 33, с. 39–57; 21, с. 300–314].

Контрольные вопросы

1. Назовите проявления кризиса традиционной семьи в США в 1970–1990-х гг.
2. Как изменилось отношение американцев к проблемам семьи и брака?
3. Как и почему изменилось положение женщин в семье и в обществе?
4. К каким социальным последствиям приводят изменения в семейных отношениях американцев?

Список использованной литературы

1. *Smith, T.* The emerging 21st century American family. GSS Social Change Report № 42 / T. Smith. — Chicago : National Opinion Research Center, 1998.
2. *Michael, R.* Why did the U. S. divorce rate double within the decade? / R. Michael // Research in Population Economics. — 1988. — № 6. — P. 367–399.
3. *Goldscheider, F.* New families, no families? The transformation of the American home / F. Goldscheider, L. Waite. — Berkeley : University of California Press, 1991.
4. *Smith, T.* American sexual behavior: trends, socio-demographic differences and risk behavior. GSS topical report No. 25 / T. Smith. — Chicago : NORC. — 1998.
5. *Варивончик, И. В.* Американский средний класс: итоги и тенденции социально-экономического развития / И. В. Варивончик // Социология. — 2006. — № 4. — С. 28–37.
6. *Yankelovich, D.* New rules: searching for self-fulfillment in a world turned upside down / D. Yankelovich. — New York : Random House, 1981.
7. *Дилигенский, Г. Г.* Глобализация в человеческом измерении / Г. Г. Дилигенский // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — № 7. — С. 4–15.
8. *Chafe, W. H.* The unfinished journey. America since World War II / W. H. Chafe. — New York: Oxford University Press, 1999.
9. *Glenn, N.* Quantitative research on marital quality in the 1980s : a critical review / N. Glenn // Journal of Marriage and the Family. — 1990. — № 52. — P. 818–831.
10. *Weitzman, L.* Divorce revolution: the unexpected social and economic consequences for women and children in America / L. Weitzman. — New York : Free Press, 1985.

11. *Smock, P.* The economic cost of marital disruption for young women over the past two decades / P. Smock // *Demography*. — 1993. — № 8. — P. 350–376.
12. *Roberts, K.* The fragmentary class structure / K. Roberts. — London : Heinemann Educational, 1977.
13. *Weitzman, L.* Economic consequences of divorce: the international perspective / L. Weitzman, M. Maclean. — New York : Oxford University Press, 1992.
14. *Karoly, L.* Demographic change, rising earnings inequality, the distribution of personal well-being, 1959–1989 / L. Karoly, G. Burtless // *Demography*. — 1995. — № 32. — P. 379–405.
15. *Berliner, D.* Our impoverished view of educational reform. Teachers college record / D. Berliner // *The College Board [Electronic resource]*. — New York, 2005. — Mode of access: <http://www.tcrecord.org/> — Date of access: 8.04.2006.
16. *Taylor, P.* Life without father; why more and more dads are drifting away, leaving kids in poverty and violence / P. Taylor // *Washington Post*. — 1992. — June 7. — P. 3–4.
17. *Loomis, L.* Nonmarital cohabitation and childbearing among black and white American women / L. Loomis, N. Landale // *Journal of Marriage and the Family*. — 1994. — № 56. — P. 949–962.
18. *Coverdell, P.* Who's killing the middle class? / P. Coverdell // *USA Today*. — 1996. — Vol. 125. — № 2616. — P. 18–21.
19. *Wilson, Q. J.* Human remedies for social disorders / Q. J. Wilson // *The Public Interest*. — 1998. — № 131. — P. 25–32.
20. *Morin, R.* With more equity, more sweat: poll shows sexes agree on pros and cons of new roles / R. Morin, M. Rosenfeld // *Washington Post*. — 1998. — March 22. — P. A16.
21. *Wright, D.* The effects of family structure and maternal employment on the development of gender-related attitudes among men and women / D. Wright, R. Young // *Journal of Family Issues*. — 1998. — № 19. — P. 300–314.

**Из античной мудрости / авт.-сост.
Н. А. Гончарова. — Минск, 2004.**

Apud se esse.

Теренций

- Быть у себя, т. е. в своем уме.
- В здоровом уме и памяти.

Aqua et panis vita canis.

- Вода и хлеб — жизнь собачья.
- Хлеб да вода — крестьянская (солдатская) еда.

Aquam e pumice postulare.

Плавт

- Воду из камня выжимать, т. е. требовать невозможного.

Aquam in mortario tundere.

- Толочь воду в ступе.

Aquas in mare fundere.

Овидий

- Лить воду в море, т. е. заниматься бесполезным делом.